

Анна Билоус

МОЙ ПЕРВЫЙ В ЖИЗНИ ДОПРОС

Полицейский, одетый в штатское, еще раз посмотрел на меня, прицеливаясь взглядом, встряхнул рукой, поправил металлический браслет дешевых часов. Было непонятно, то ли он нервничал, то ли просто пытался ослабить хватку металлических зубчиков браслета, впившихся в кожу и прикусивших несколько волосков на его запястье.

Часы скользнули обратно за манжет серого рукава рубашки, а внимательные колючие глаза уставились мне прямо в переносицу.

— Я уже представился, меня зовут офицер Тони Маркони, — медленно и громко сказал черноволосый полицейский.

«Все американцы говорят громко и растягивают слова, когда обращаются к иностранцам, — подумала я. — Они считают, что их английский так доходит до нас быстрее».

— Мои последующие вопросы касаются лично вас, — продолжал он. — Хочу предупредить вас, что пока, и только пока, вы проходите свидетелем по делу злоумышленного разрушения произведений искусств в городе Майами. Однако, я хотел бы напомнить вам, что злоумышленные преступления в нашей стране наказываются серьезно, и вам может грозить ни много, ни мало, а целых пять лет тюрьмы.

— Я турист, — вырвалось у меня.

«Какой-то бред», — подумала я.

— Да? И сколько дней вы находитесь в Майами, милая леди? — почти улыбаясь, спросил он.

Я уже отвечала на этот вопрос и поэтому быстро повторила ответ:

— Я прилетела две недели тому назад.

— Вы прилетели? — спросил он, поморщив лоб. — Откуда именно?

— Я прилетела из Украины, из Киева.

— Очень хорошо. — Полицейский заглянул в талмуд толстой папки, раскрытой перед ним на столе.

«Странно, что эта папка толстая. Мы ведь только начали эту нелепую беседу», — подумала я.

Полицейский явно тянул время. После моего ответа про Украину по его молодежавому лицу прошла какая-то неопределенная гримаса, а в воздухе повисла пауза сомнения.

— Из Киева... — сказал он и поморщился, машинально посмотрев на карту Майами, висевшую на стене прямо за моей спиной.

Полицейский многозначительно кашлянул в загорелый кулак, опять взглянул на карту, как будто пытался воскресить в своем представлении земные полушария, вытаскивая из склада памяти отрывки географии и поспешно разыскивая в них Украину.

— Имеется ли какое-нибудь подтверждение вашему утверждению, мисс? — недовольно процедил он.

— Конечно, я могу показать распечатку моего билета, — ответила я. — Там есть и дата вылета и день моего возвращения домой, в Украину.

Быстрым движением руки я раскрыла кожаные складки сумки, нашла скомканные бумаги и разложила перед полицейским на столе.

Если считать, что с самого утра у меня во рту не было ни крошки, и если учесть, что этот допрос в час дня, в комнате с синими казенными шторами происходил во время моей второй недели пребывания в Майами, то, глядя со стороны, можно было просто удивиться моему спартанскому спокойствию.

За дверью послышались шаги, и в комнату вошел «черненький» полицейский, как сказала бы моя тетьа Вера с Подола. Но лично меня заинтересовал не сам вошедший афроамериканец в форме офицера полиции Майами Бич, а деревянный ящик, который он поставил на стол.

— Что это, офицер Джексон? — спросил Маркони вошедшего.

— Это улики, сэр, — ответил Джексон, разгибая спину.

— Улики?

— Так точно.

Офицер Джексон отодвинул мягкие пузыри оберточного целлофана бабл рэп, которым обычно обворачивают легко бьющиеся предметы или выстреливают такт понравившейся мелодии, нажимая пальцами туго натянутые мембраны вздутых горбиков пленки.

В английском языке слово «рэп» звучит одинаково, а обозначает то обертку, то стиль музыки и только предательский непроизносимый «дабл ю» в начале слова «обертки» даст возможность понять, о чем точно идет речь.

«Душой английский не понять... слова надо только заучивать и работать со словарем», — еще совсем недавно прочла я на одном из киевских сайтов по изучению английского языка.

Буквально месяц тому назад я мечтала о солнце, свободе и хорошем английском и совсем не могла представить, что в начале декабря окажусь в Майями, да еще на собственном допросе.

— Ваша история только начинается, мисс, — произнес Маркони, медленно поворачивая стальную ручку в своих красных пальцах.

Я всегда знала, что моя история будет другой. Она началась не сегодня, не в Майями, и уж совсем не в полицейском отделении Майями Бич.

Все началось в моем родном городе Киеве, в тот день, когда мне все надоело.

Я помню, что это произошло после очередных выборов, в дни слякоти и серости, когда шагами поспешно уходящей осени меня покинул веселый бойфренд, казалось навечно прописавшийся у меня на тахте. После пяти лет совместной жизни любимый бойфренд собрал вещи и ушел без шума и лишних сцен — наверное, именно в то время, когда я спокойно составляла отчеты, а может, просто поливала желтые кактусы у себя на работе.

Произошло все очень обычно и заурядно, наверное, как происходит со всеми: дождливым вечером я вернулась домой и обнаружила пустоту. Бойфренда смыло осенним дождем, прибыв к пристани моей давней подруги и почти что родственницы. По стечению обстоятельств, профессии и иронии судьбы, ребята вместе устраивали праздники и концерты национального масштаба и, как оказалось, уже года три встречались тайком. Праздник победил. Бойфренду стало явно скучно со мной.

За любимым любовником уходила осень, в моей жизни ничего не менялось, и вечерами я стала ощущать, что дверь моего мира постепенно закрывается, и вот уже или поезд начинает уходить от перрона, или самые важные станции замелькали в окнах моего вагона.

Иногда мне казалось, что я проводила слишком много времени у телевизора, тупо нажимая на кнопки, и днем и ночью я слушала очередных депутатов, срочные репортажи и повторяющиеся рекламы и новости.

— Ну, сколько можно это слушать и смотреть? — не выдерживала подруга Катя, проглатывая кусок бисквита за моим кухонным столом и в очередной раз выключая телевизор на канале государственных новостей.

Свежих новостей, кроме изменяющегося футбольного счета и названия команд, обычно, не передавали. Дикторы монотонно объявляли, что один депутат подрался с другим, третий что-то твердо пообещал четвертому, четвертый попался на взятке, а остальные занимались решением своих разводов во время депутатских заседаний.

— Люди, мы же сами их выбирали!.. — хотелось закричать на весь Киев или на весь Майдан.

В последние пять лет я собственноручно участвовала во всех выборах, хотела высказаться и отдать свой голос лучшему из худших, так как, к сожалению, уже давно не верила в изменение совести наших доморощенных политиков... Наблюдая за последствиями выборов и моих личных усилий, я вдруг поняла, что ничего не получилось и мы выбрали опять не тех, кто может нас сознательно привести к хорошей жизни.

— А где на земле жить хорошо?

Я, как и вы, давно задумывалась над этим вопросом.

Мне надоел дождливый холодный Киев, серые голуби и развалы в душах людей. Как долго можно жить в хаосе и в пустоте? В конце ноября я точно поняла, что никому не смогу помочь, и в голове как будто грохнул выстрел, что прежде всего я должна помочь себе самой.

Именно в эти дни мне снились последние дни Помпеи. Во сне я бежала и уклонялась от падающих сверху камней. Я перепрыгивала горячие реки красной магмы, пыталась разогнать облака серы, отравляющей воздух моего родного города... Я бежала, спасалась и проснулась.

— А в каком городе проснуться лучше всего? В какую счастливую точку планеты смогут доставить меня всемогущие Украинские авиалинии?

Две с половиной недели я водила пальцем по экрану компа, смотрела на карту и, наконец, нашла город, о котором читала и мечтала очень давно.

На карте, в самом уголке разноцветного североамериканского континента красовалось гордое имя Майами: город солнца и ветра, бирюзовый и неоновый рай на песчаных берегах Атлантики.

Моя подруга Катя... родственная душа, почувствовала смену моего настроения, как индикаторная лампочка, и совершенно естественно загорелась идеей планирования моей поездки. Катя прибежала ко мне после работы, груженная кипами журналов, открывала ноутбук, читала все подряд и вдохновенно цитировала крикливые американские путеводители, Скотта Фицджеральда и старика Хэма.

Копание в журналах, гуляние по сайтам и разговоры о моей скорой поездке улучшали аппетит подруги, и, не переставая жевать, Катя хваливала мои обеды, поглощая их частично или почти целиком.

В один из вечеров она вдруг предстала предо мной на пороге моей квартиры, улыбаясь во весь рот и поглаживая ребристые спины огромного чемодана, который доставал ей почти до пояса.

— «Сайз мэттерс», «От размера зависит многое!» — довольная употреблением совсем не чемоданного изречения, Катя заговорщически улыбалась во весь рот, облизывая губы. — Я к тебе на минуту. Как говорит моя бабушка, «Мои финансы поют романсы», — сказала она. — Пусть хоть мой чемодан побывает с тобой в солнечной Флориде. Я почему-то уверена, что он тебе пригодится.

— Спасибо, Кэт. Ты настоящий друг, — ответила я с благодарностью. — Что тебе привезти из Майями?

— Ой, Мариша, привези мне Энрике Иглесиаса, пожалуйста, конечно, если его Курникова отпустит... — улыбалась она. — А если нет, то ракушек и морских камней побольше... Сколько ты собираешься там пробыть? А как с работой? — ритмично, как шарик пинг-понга, летели в меня ее вопросы.

— Я улетаю на два месяца, дорогая. Два месяца — это долго. На работе в фирме «Рога и Копыта» все в порядке, — пыталась шутить я. — Представляешь, меня даже не спросили, куда я еду! Все, что от меня потребовали, это написать заявление за свой счет и все... — грустно ответила я. — С английским у меня нормально. Он хоть и базовый, но разговорный, вернусь уже с чистым майамским акцентом, — мечтательно растягивая слова, продолжила я.

— Как здорово! Твоя компания по обслуживанию компьютеров всегда отличалась демократичностью и наплевательством, — тараторила Кэт. — А там, в Майями, может, и друга себе найдешь? — осторожно лягнула она.

Я повернула голову и вопросительно посмотрела на нее. Ее глаза горели, а на треугольном отточенном носу, как вездесущие знаки вопросов, пытливо проступали веснушки.

Мое наблюдение подтверждалось. При хорошем возбужденном настроении Кати количество веснушек на ее лице всегда удваивалось...

— Про друга пока не думала, — ответила я, открывая молнии и карманы внутренностей чемодана. Как широченный черный кит, он загородил своими телесами пролив моего узкого хрущобного коридора.

— Ты же знаешь, Катя, я бы хотела подработать, хоть и нелегально, язык подучить и окунуться в другую жизнь.

— Смотри там почаще местные газеты, — спешила с советом подруга. — Я слышала от Вовусика, что в Израиле так и находят работы. Читаешь газетные колонки, столбики и звонишь в компании. Напиши себе короткую записку с главными фразами... ну, как спрашивать о работе. А потом звони и спрашивай у всех подряд.

— Я думаю, что в Майами так же, хотя твоего Вовусика и не назовешь экспертом, да и работать он не любит, кроме как советы давать, — стараясь пошутить, сказала я.

Катя улыбнулась.

— Я буду за тобой скучать и буду звонить тебе по скайпу, так что отвечай, — сказала она.

Мне пришлось протянуть руки, чтобы обнять ее прямо через чемодан.

«Как недавно это было, и как давно», — подумала я, глядя в глаза американского копа.

За время паузы в нашем разговоре прямо передо мной на столе выросла целая гора мягкой бумаги и оберточной пленки. Из-за белой бумаги торчала почти облысевшая макушка офицера Джексона. Остальные части его персоны скрывались за столом и кожаным креслом. Джексон все еще шарил руками в коробке.

— Вот они, все восемь улик — как и записано в протоколе. Они одинаковы по форме и цвету, их вес примерно тоже одинаков, — сказал он, разгибаясь.

Из-за горы оберток, как яхта в заливе Майами, показался офицер Джексон в голубой рубашке от Томми Хилфигера. В мускулистых руках он держал белые гипсовые формы.

— Что это? — спросила я.

— Леди Мария, вам наверняка знакомы эти части, эти обломки, все восемь обломков? — спросил Джексон.

— Мы подозреваем, что это вы нанесли урон нашему городу во время фестиваля искусств, знаменитого события нашего города...

— Это вы варварски повредили знаменитые скульптуры нашего друга, знаменитого скульптора... — пафосно вторил ему полицейский Маркони.

Он, обвиняя, смотрел на меня и показывал пальцем на бесформенные белые каменные части, напоминавшие хоботы слонов.

Глядя мне в лицо, офицер Джексон развернул коробку, и я смогла увидеть все обломки сразу. Они светились белизной под солнечными лучами, заполонившими комнату допроса. Я внимательно присмотрелась, сомнения распались. Мысли о хоботах разбежались. В коробке лежали шесть белых фаллосов. Еще два гипсовых фаллоса держал в руках офицер Джексон.

Я молчала. Баритон полицейского Маркони прервал тишину:

— Вас задержали в парке возле центрального концертного зала Майами Бич, вы это подтверждаете, мисс Мария Журба, турист из Украины? — спросил он.

— Да, подтверждаю, — ответила я. — Меня остановили прямо на зеленой лужайке, возле концертного зала. У меня забрали пластиковый пакет с мусором и гипсовыми кирпичами. Я это все уже объясняла, — повторила я.

— Позвольте заметить: то, что вы назвали кирпичами, — вовсе не строительный мусор, как вы указали в своей объяснительной записке, мисс Мария. Как раз наоборот, это части знаменитой скульптуры, подготовленной и установленной в культурном центре Майами. Ее установил друг города, известный скульптор из Берлина, доктор наук и замечательный зодчий, Кегель Брехером. Мне по этому поводу уже звонили из мэрии и даже из самого Вашингтона.

Маркони явно нервничал, стучал по столу ручкой и то и дело поправлял воротник рубашки, прилипший к его красной пупырчатой шее.

— Я, наверное, могу вызвать адвоката? — не спеша поинтересовалась я.

— Вам уже вызвали адвоката, — кивнул Маркони и как будто расслабился.

— Можете пройти в соседнюю комнату. До свидания, сегодня мы с вами уже не увидимся, — сказал он.

— Мне бы хотелось попрощаться навсегда, — сквозь зубы ответила я.

Поспешно встав, я вышла из комнаты в сопровождении офицера Джексона и потянула на себя дверь соседней комнаты, которая поддавалась на удивление легко.

Из открытой двери на меня вдруг обрушились зеленовато-золотистые лучи солнечной пыли, ноздри защекотал кофейный аромат, и, вспомнив о вчерашнем ужине, я совершенно отчетливо почувствовала голод.

Комната встречи с адвокатом оказалась неожиданно роскошной. Дорогие зеленые бамбуковые обои, темно-синие шерстяные кресла, экран для просмотра фильмов и целый ряд горшков с разлогими пальмами веселили глаз и располагали к долгим дружеским разговорам.

«Эта комната больше напоминает зал частного кинозала, чем комнату в полицейском участке», — подумала я.

Из глубины пальмовых зарослей навстречу мне продвигалась высокая чернокожая женщина. Она мило улыбалась, но из-за солнечных лучей, струившихся из окна, я не сразу заметила приветливое выражение ее лица.

— Мери Джейн Смит, ваш адвокат, — сказала она глубоким контральто и протянула мне руку. — Добрый день.

Я молча пожала ее крепкую руку с длинными твердыми пальцами, почувствовала металлический ободок кольца на одном из них и ступевалась, не ожидая встретить адвоката с внешностью и улыбкой оперной дивы.

— Мария Журба, — сказала я, поправив свои гладкие каштановые волосы, мысленно сравнивая их с роскошной гривой моего адвоката.

— Я не люблю длинных речей, детка, — растянув накрашенные фиолетовые губы, сказала Мери Джейн. — Я знаю, что ты невиновна, — ошарашила меня своим доверием адвокат. — Ты была в парке и участвовала в уборке территории перед концертом, правильно? — спросила она.

— Да, все верно, — радостно ответила я. — Концерт организовали в честь открытия фестиваля искусств «Арт Базель». Он проходит у вас каждый декабрь, перед Рождеством...

— Да, конечно, ты это все и написала в своей объяснительной записке, — увидев мое замешательство, пояснила она. — Более того, Мария, я потрудилась получить записи с видео камер парка, ну, тех

самых, которые установлены муниципалитетом и следят за порядком на улицах. Давай-ка взглянем, что там записалось, — сказала мой адвокат и уверенно нажала на пульт управления видеоплеера.

Экран для просмотра фильмов залился светом, и на экране я увидела себя родную, в шортах и белой майке, увидела спящих волонтеров, горы шезлонгов, приготовленных для концерта, или, как сказал один из волонтеров, «мягкие подушки для задниц именитостей нашего города».

— Вот смотри, — продолжала адвокат, — в записи видно, как ты приносишь мешки с мусором прямо к стойке волонтеров. Забери, все волонтерские мешки были оранжевого цвета... Далее ты идешь и садишься на лужайке, что-то там ешь, какой-то бутерброд, и затем поднимаешься, но под ноги тебе попадается небольшой суконный мешок. Смотри, вот он лежит перед тобой. Если посмотреть внимательнее, то видно, что он был там уже давно... до твоего прихода, — продолжала Мери Джейн.

Я комкаю бумажный платок, который начинает пропитываться потом моих ладоней. Адвокат рассказывает о том, что я пыталась вспомнить.

— Ты подхватываешь мешок и переносишь его к главной стойке волонтеров, но не выбрасываешь и даже не заглядываешь в него... верно?

— Да, все было именно так, спасибо, что вы нашли эти видеокамеры и записи.

— Ну, вот и концовка, смотри. К тебе подошли два копа и начали всю эту историю, — перебила меня Мери Джейн. — Допрос на месте, задержание с поличным и так далее. Наши ребята любят составлять протоколы, — продолжила она, усаживаясь в широкое кресло. — На самом деле, эти чертовы члены... фаллосы... пропали два дня до твоего субботнего задержания. Их варварски спилили ножовкой, а на месте отрезания, на самих статуях, был обнаружен украинский штамп, желто-синий оттиск, и это орудие, которым чертей из ада выгоняют...

Мери Джейн тербила руками чехол на ручках кресел.

— Тризуб? — спросила я. — Не знаю, как сказать по-английски...

Мери Джейн как будто не услышала моего ответа и продолжала:

— Наши любят составлять уравнения. Вот ты и попала в него со своим украинским паспортом, девочка моя.

— На самом деле, дважды два не всегда четыре... Поверь мне, детка, это отрезание членов длилось не десять минут, и вряд ли

бы ты справилась с этим за полчаса... это дело целой ночи, — сказала она, и в глазах у нее засверкали огоньки.

— Я знаю, я пыталась объяснить копам, что они ищут не там, где надо... Я не отрезала фаллосы с безмозглых статуй... Я приехала из Киева отдохнуть в Майами, — уверенно продолжала я.

— Да, конечно, им и объяснять ничего не надо... сами все услышат от меня... тупые кролики, — сказала Мери Джейн и потянулась в кресле. Золотая цепочка, свисавшая с ее шеи, переползла через полную грудь и повисла коромыслом в ложбинке между двумя утесами.

— Мне больше ничего не придется объяснять? — выдохнув воздух, спросила я.

— Конечно, не придется, — эхом ответила адвокат. — Я все задокументировала, оформила все бумаги, ты свободна и можешь идти. Пройдешь по делу, как свидетель, вот и все... Поеду-ка я на ужин... Мне сегодня предстоит еще один важный разговор, как раз на Саус Бич. — А ты куда сейчас двинешь? Ты пешком? Давай подвезу? — предложила она.

Наверное, мне стоило открыть рот и застыть в удивлении. События развивались непредсказуемо, и мой арест в городе Майами закончился совсем неожиданно.

— Я вам очень благодарна, спасибо огромное, даже не знаю, чем вас отблагодарить, — пытаюсь вспомнить все вежливые английские фразы, сказала я. — Довезите меня до Пятой авеню, если вам не трудно.

— Пойдем, пойдем, не стоит благодарить, Мария! Ну, если так хочешь, то отблагодарить меня очень просто, свари мне пирогов, — засмеялась она, глядя на мое застывшее в удивлении лицо.

Я поправила челку и вспомнила факт нелепого переименования жителями североамериканского континента наших дорогих вареников в «пирог», с ужасно проставленным ударением на втором слоге, что, по сути дела, превращает национальное блюдо в плавучее средство передвижения индейцев. Кособокое ударение в этом слове в Америке падает на «о», и вот наш дорогой вареник уже поплыл, как пирога, мимо ртов и усов непросвещенных.

Мери Джейн торопилась, выходила из комнаты в коридор, раскрывала передо мной многочисленные двери полицейского участка. Как всемогущий конференсье, она выводила меня из за-

тянувшегося спектакля абсурда прямо в многокрасочный день солнечного города.

Маленькая машина Мери Джейн смело пересекла мосты, соединявшие мейн ленд с островной частью Южного берега Майами.

Мери Джейн приостановила машину на углу Пятой авеню и Коллинз, дав мне возможность выскользнуть из нее на оживленном перекрестке. Оказавшись на Саус Бич, я снова погрузилась в беспечную толпу туристов.

С одной стороны главного прогулочного бульвара Оушен Драйв возвышались невысокие постройки домов в стиле Арт Деко. Окрашенные в пастельные тона, домики задумчиво наблюдали за уходящими вдаль кораблями, а может, широко открыв окна, удивлялись нелепым парочкам, бессмысленно улыбающимся своим айфонам, прикрученным к держателям на длинных ручках.

На противоположной стороне бульвара начинался пляж. Полоса искусственно насаженных луговых трав и карликовых кустиков зелеными холмиками укрепляла пляжные пески.

Я достала бутылку с водой и присела на один из холмиков. Глаза уперлись в деревянный столб с надписью «По траве не ходить», которая как будто уличала меня в нелегальном действии.

«За это точно не посадят», — подумала я, отпивая воду из бутылки.

По горлу наконец пробежал ручеек. Руки и голова перестали гудеть. Золотистое солнце уже почти дотронулось до океана. Волны постепенно перекачивались в длинные атласные трубочки, и людей на южном пляже становилось все меньше.

«Какой сегодня длинный день, — подумала я. — Как много всего произошло».

Еще сегодня утром я встретила на пляже безумного колумбийца, художника-архитектора Хуана. Он рассказал мне, что каждый год в декабре он приезжает в Майами на фестиваль «Арт Базель» и за неимением денег запросто живет на пляже. Я видела его последнюю работу: лежащих вниз лицом обнаженных женщин, сделанных из песка. Колумбиец приволок из океана кипы черных водорослей и разложил их в виде копны черных волос на голову каждой песчаной дамы. Все свои творения он слепил, лежащими лицами вниз.

Утром я пыталась наслаждаться солнцем, но голова сама по себе поворачивалась в сторону ползающего на коленях мужчины. Мне было приятно наблюдать за его трепетными стараниями. Загорев-

шими руками архитектор творил и ласкал тела песчаных женщин. Рядом со скульптурами были разложены кипы пластиковой клеенки, которой Хуан любовно укрывал свои творения на ночь.

Наверное, в мастерской он смог бы лепить одну, а тут, на жарком песке южного города, у него сразу получились все восемь. и он любит их всех одновременно, еще утром так думала я.

Скульптор Хуан ночевал под открытым небом на надувном матрасе рядом со своими наядами, укрывшись старым спальным мешком.

От разбросанных фигур женщин веяло какой-то латинской порчностью.

Ноги песчаных женщин Хуана были расставлены слишком широко, у некоторых они были согнуты в коленях. Колумбиец с особым рвением разглаживал песок в ложбинках между то и дело рассыпающимися ногами.

Хуан рассказал мне, что буквально каждый час ему приходится сбрызгивать водой из пульверизатора песчаные ягодицы своих творений. Прodelывая эти повторяющиеся движения, он продолжал курить и на нетерпеливом испанском ожесточенно ругал порывы нарастающего ветра, легкомысленно гнавшего песок по пляжу.

— Не обращай на него внимание, он больной, — сказала мне проходившая рядом Соня Марковна, с которой я познакомилась тут же на пляже в один из первых дней моего пребывания в Майами.

Соня Марковна блестела загаром, как плитка коричневого шоколада, вот-вот готовая растаять на горячем песке. Морщины проступали на ее широкоскулом лице и длинной шее, а седые некрашенные волосы, казалось, были пропитаны солеными ветрами.

Я вспомнила, как в первый день моего прибытия в Майами, наконец добравшись до берега океана после долгого перелета из Киева, я наблюдала за бирюзовыми океанскими волнами и чайками и остановила свой взгляд на фигуре пожилой загорелой дамы в странном головном уборе белого цвета.

Спустя какое-то время дама приблизилась ко мне и протянула пластиковый пакет, набитый сухими хлебными корками.

— Возьми, деточка, покорми птичек, — на чистом русском языке сказала мне эта первая встреченная мною женщина города Майами.

Я вспомнила, что не заметить эту женщину на пляже было почти невозможно. На голове у Сони Марковны возвышался белый картуз с золотой пуговицей и надписью «Одесская лодочная

станция». В этом картузе она появлялась на Майами Бич каждый день ровно в полдень и кормила стаи налетавших галдящих чаек, которые при ее появлении слетались со всех сторон пляжа.

— Это обрезки, горбушки, их тут никто не ест. Итальянская булочная отдает мне это счастье почти каждый день. Куда им девать эти горбушки? А моим птичкам очень даже пригодятся, — спрашивала и тут же отвечала она сама себе.

Уже на следующий день после нашего знакомства Соня познакомила меня с булочником Джованни, который насвистывал только ему знакомую мелодию и угощал всех входящих кусочками печенья из миндальной муки.

— Попробуйте наше новое печенье, оно сделано из муки миндальных орехов и полностью усваивается организмом. Вы будете кушать наше печенье и никогда не потолстеете, — громогласно произносил итальянец, подсовывая посетителям поднос с печеньем.

— Джованни, из э гуд бой, Маша, — говорила Соня Марковна. — Он любит птиц и всегда делится с ними остатками хлеба, — поясняла она.

— Ай лав ю, Джованни! — говорила она, улыбалась, и морщинистыми пальцами посылала воздушный поцелуй итальянцу.

Пекарь улыбался уже из-за прилавка, театрально хватал в кулак посланный Соней воздушный поцелуй, подыгрывая ей, смеялся и перебрасывал через прилавок туго набитый пластиковый пакет с хлебом для чаек.

— Наши мужчины в Киеве ходят, бродят под землей, по лабиринтам и трубопроводам влагалищ, Маша. Ты там никогда не найдешь себе верного мужчины, — говорила тихим голосом Соня и заставляла меня сомневаться в ее нормальности. — А Джованни тут, в Майами, совсем новенький, и его надо брать голыми руками. Он недавно приехал и сразу открыл свой бизнес, — наставляла меня бывшая киевлянка и просто разведенная добрая женщина.

Я помню, поперхнулась, вспомнив моего недавно пропавшего любовника, и спросила ее:

— А почему наши мужчины ходят под землей и почему по лабиринтам... влагалищ?

— Эх, молодая, потом поймешь... из-за этих лабиринтов я и разошлась с моим мужем в Киеве и оказалась тут, на Майами Бич. Спасибо большое моему старперу, научил жизни, — подвела итог она.

«Какой длинный день», — подумала я, допивая воду. Еще сегодня днем на пляже я слушала материнские наставления Сони Марковны, работала, а потом была арестована копами и пережила первый в моей жизни допрос.

«Как все неожиданно случилось», — думала я, переходя Пятую авеню на перекрестке с Коллинз.

— Мария! — услышала я за спиной и оглянулась.

Посреди улицы, широко расставив ноги и мило улыбаясь белоснежной улыбкой, стоял булочник Джованни. Его было трудно узнать. Вместо привычных белых одежд и фартука, посыпанных мукой, на нем красовалась черная байкеровская футболка, потертые белые джинсы обтягивали стройные ноги, а глаза прикрывали полуквадратные солнцезащитные очки. Его темные курчавые волосы локонами убегали за уши.

«А у него длинные и мускулистые ноги», — успела подумать я, не отводя глаз от очерченного заходящим солнцем силуэта.

— Хеллоу, Джованни, как дела? — привычно сказала я, как будто ожидала встретить его именно сейчас.

— Я всю жизнь мечтал пригласить тебя на кофе, — быстро сказал он и сверкнул белоснежной улыбкой. — Хочешь зайти со мной вон в то кафе, — сказал он и указал на дорогуший ресторан, который с момента моего прибытия на Саус Бич я обходила десятой стороной.

Согласившись, я кивнула.

Джованни вдруг как-то быстро привлек меня к себе, обнял одной рукой и повел через дорогу. Он уверенно распахнул двери кафе, и я увидела белые скатерти столиков, раскрывшихся перед нами, как страницы ненаписанных романов.

В открытой полосе света я увидела официанта, белоснежную мраморную стойку бара и полк дорогих разноцветных бутылок. Джованни выдвинул для меня стул, усадил и начал рассматривать блестящие страницы меню, поглядывая на меня исподтишка.

Я снова почувствовала голод, отпила воды из запотевшего стакана. Горящие свечи в стеклянных переносных фонариках отражались в шеренгах разноцветных бутылок, наверное шептавшихся о нашем будущем на разных языках. Блики и отражение огня на столах и стенах заманивали меня в сплетение сеток мира, ощущений до и после ареста, до и после Киева, до и после Джованни.

В ресторане почти не было людей. Он и я, мы сидели за первым столиком и смотрели на листы длинного меню. Он читал, а я, забыв про голод, рассматривала его темные волосы, прямой пробор и кончики ушей. Мне вдруг захотелось, чтобы это длилось вечно. Я мечтала, чтобы он читал меню сто лет.

Где-то на улице засмеялись.

Джованни закончил читать, быстро поднял голову и заглянул мне прямо в лицо, вглубь под ресницы, в разрез моих голубых глаз, прямо в черные точки хрусталиков. Не выдержав его взгляда, я стушевалась:

— Пойду помою руки, — быстро сказала я и, поднявшись, начала поспешно пробираться вглубь ресторана.

Безлюдное пространство широкого обеденного зала казалось узким из-за парадно украшенных стульев, одетых в белые балахоны с кисточками.

В туалетной комнате я вздохнула и легко восстановила сбившееся от странного волнения дыхание.

— Даже на допросе было как-то менее волнительно, — словами подруги сказала я сама себе. — Катя, Катя, где ты? Как мне не хватает твоего житейского оптимизма, — говорила я сама себе, глядя в зеркальное озеро в стильной деревянной раме.

Я вытирала руки бумажными полотенцами, падающими, как водопад, из пластикового ящика, прикрепленного на стене. Там же на стене, под стеклом, висела огромная фотография, с которой на меня тарачились два ряда глаз полуобнаженных девушек в родных украинских венках.

Девушек было много, и засняты они были на фоне входа в ресторан, в котором сейчас находились я и Джованни. Фотография полностью сливалась с интерьером модного заведения. Внизу чернело название: «Хемен».

Ниже девушек в венках, на самой стене туалетной комнаты, красовалась надпись, сделанная красной масляной краской от руки: «Мы отрежем всем члены и укажем вам путь!» — гласила она.

— Мама дорогая, — сказала я вслух.

В дверь громко постучали, и мне вдруг захотелось оказаться в объятиях моего доброго итальянского спутника.

